

Д.Ш. Гогохия

д.э.н., в.н.с. Института экономики РАН, Москва

ДЕНЬГИ КАК ЛИКВИДНЫЙ АКТИВ: ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы происхождения денег, их роли как ликвидного актива в становлении и развитии рыночной экономики. На основе критического анализа известных в экономической литературе подходов, в частности учения о деньгах К. Менгера и теории предпочтения ликвидности Дж.М. Кейнса, выдвинуто ряд положений о необходимости обеспечивать стабильность стоимости денег. Показано, что деньги как средство сохранения стоимости являются предпочтительной (общепринятой) для накопления формой богатства, устраняющей влияние различий в степени ликвидности и издержках содержания хозяйственных благ на процессы рыночного ценообразования. Именно спрос на деньги как ликвидный актив и средство сохранения стоимости обеспечивает обратную зависимость между ценой товара и совокупным спросом на него и таким образом достижение динамического равновесия на товарных рынках.

Ключевые слова: *теория денег, цены, норма процента, закон спроса, ликвидность, издержки содержания, уравнение обмена.*

JEL: F02, F34, F43.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-10201

Соединить теорию с историей, когда речь идет о деньгах, совсем не просто. Экономоантропологи, например, на основе анализа первоисточников пришли к выводу, что по происхождению своему деньги скорее средство накопления, а не средство обмена [Малахов, 1992]. Не случайно, желание людей накапливать богатство в денежной форме или предпочтение ликвидности отмечалось практически во все исторические эпохи. Но, отчасти поэтому экономисты, начиная с классиков, склонны пренебрегать денежной формой богатства. Ведь получается, что деньги существовали задолго до таких привычных для нас вещей, как свобода выбора профессии и места работы, а также целого ряда других, экономически значимых, прав и свобод, которые характеризуют товарно-рыночную организацию общественного производства как явление исторически уникальное. Тем не менее отсюда вовсе не следует, что истоки товарно-рыночной организации общественного производства и движущие силы товарного производства никак не связаны с феноменом денег. Во всяком человеческом обществе так или иначе решается вопрос о том, сколько работать и какую часть результатов производства потратить, а какую – сохранить с целью накопления богатства. Но во всяком человеческом обществе свобода выбора людей по этому фундаментальному вопросу существенно ограничивается натуральной формой продуктов человеческого труда, далеко не в равной степени пригодных к накоплению. Именно в данной связи деньги должны вступать в экономический анализ, ибо деньги и только деньги дают возможность раздвигать границы накопления, независимо от натуральной формы производимых продуктов. И именно поэтому, как мы намерены показать, *спрос на деньги как средство накопления играет ключевую роль в становлении и развитии товарного (специализированного) производства во всяком человеческом обществе.*

Задача, которая стоит перед нами, требует экскурсов не только в историю товарного производства, но и в историю экономической мысли. Ведь нужно показать, почему учение

классиков, согласно которому деньги лишь облегчают обмен товарами посредством их продажи и покупки, вытеснило учение меркантилистов, которые видели в деньгах предпочтительную для накопления форму богатства. Нужно разъяснить также, почему учение классиков о деньгах господствует по сей день, несмотря на, казалось бы, глубокую перестройку фундаментальной экономической теории, предпринятую неоклассиками¹. Иначе говоря, нужно разъяснить, почему классическое учение о деньгах как простом посреднике при товарном обмене, являясь поверхностным, глубоко укоренилось в экономической науке. Или почему высказывания некоторых классиков о наличии рационального зерна в учении меркантилистов оказались не востребованными.

К. Маркс, который, несомненно, принадлежит к числу классиков политической экономии, неоднократно указывал, что распадение акта обмена на продажу и покупку не устраняет полностью те трудности или издержки, которые свойственны товарному обмену. Согласно его учению о форме стоимости [Маркс, 1960], продажа и покупка товаров за деньги, развиваясь из простого товарного отношения, тем не менее не сводимы к обмену одних товаров на другие даже при простом товарном производстве, не говоря уже о производстве товарно-капиталистическом. Общая причина для всякого товарного производства сводится по Марксу к противоречию между общественным характером производства и частным присвоением, т.е. коренится в товарно-рыночной организации общественного производства.

Нетрудно показать, однако, что именно переход от простого (стационарного) товарного производства к производству товарно-капиталистическому, казалось бы, подтверждает исключительно посредническую роль денег. Ведь продажа и покупка товаров за деньги не сводима к обмену одних товаров на другие только в том случае, если не вся денежная выручка от продажи товаров расходуется на покупку других товаров. Учитывая, что в капиталистическом обществе деньги расходуются не только на потребительские товары, но все больше и больше на капитальные активы, доказать это совсем не просто. Не случайно, что до Дж.М. Кейнса мало кто из экономистов сомневался в том, что в капиталистическом обществе все свободные от расходования на потребительские нужды деньги либо непосредственно, либо посредством тех или иных форм кредита находят дорогу на рынки капитальных активов. Никто не отрицал, что при товарно-рыночной организации общественного производства, когда хозяйствующие субъекты принимают решения самостоятельно и независимо друг от друга, суммарная стоимость планируемых денежных сбережений может не совпадать с суммарной стоимостью планируемых инвестиций, т.е. денег, расходуемых на покупку капитальных активов. Но приводились, казалось бы, убедительные доводы в пользу того, что само это несовпадение должно воздействовать на рыночную норму процента, которая, достигнув определенного уровня, непременно сбалансирует инвестиции и сбережения, ибо изменение нормы процента в равной мере воздействует как на сбережения, так и на инвестиции. Одной из несомненных заслуг Кейнса является внесение большой доли сомнения в возможность такого решения проблемы инвестиций и сбережений.

Теория предпочтения ликвидности Дж. М. Кейнса

Учение Дж. М. Кейнса трактуется и оценивается экономистами по-разному. Одни акцентируют внимание на одних аспектах его учения, другие выделяют другие. Поэтому имеет смысл с самого начала указать на то новое и, на наш взгляд, принципиально важное

¹ Сегодня принято говорить, что деньги удешевляют акты обмена, поскольку сокращают транзакционные издержки. Но вряд ли такое уточнение само по себе способно обновить классический взгляд на происхождение и назначение денег.

(хотя недостаточно строго обоснованное самим Кейнсом), что делает его систему источником непреходящих истин.

Кейнс совершенно правильно указывал, что спрос на деньги не исчерпывается спросом на товары, поскольку во всяком обществе люди воспринимают и используют деньги как *форму богатства, накопление которой снижает беспокойство относительно неопределенного будущего*. Сам Кейнс (в отличие от современных авторов) указывал в этой связи не только на ликвидность денег, т.е. возможность использования их для достижения различных (неопределенных заранее) целей, но также на минимальные издержки содержания (хранения). Ведь вместо денег можно было бы отчасти накапливать товары, увеличивая разнообразие и величину их запасов. Но, как справедливо подчеркивает Кейнс (в гл. 17 «Общей теории занятости, процента и денег»), деньги – это такая форма богатства, накопление которой и, соответственно, растущий спрос не встречают противодействие со стороны растущих издержек содержания. Хотя, как считал Кейнс, все блага длительного пользования также отличаются той или иной степенью ликвидности и издержками содержания, расходование денег на капитальные активы (по определению менее ликвидных, чем деньги) чревато риском убытков. Отсюда следует, что норма процента неотделима от денег как ликвидного актива, ибо процент – это не вознаграждение за сбережения, а плата за расставание с ликвидностью, за преодоление страха перед риском возможных убытков, когда деньги, так или иначе, инвестируются или отдаются в долг другому лицу.

Достаточно очевидно, однако, что деньги могут приносить убытки и при хранении, если товарные цены растут. Иначе говоря, существует риск, связанный с потерей (снижением) стоимости самих денег. Кейнс не обратил должного внимания на данное обстоятельство. Между тем логически строгая теория предпочтения ликвидности предполагает, что деньги имеют преимущество перед товарами именно как средство сохранения стоимости. Ведь если существуют активы, стоимость которых более устойчива, чем стоимость денег, мотив предпочтения ликвидности повисает в воздухе. Способность денег служить средством достижения различных (заранее не определенных) целей утрачивает экономическую ценность. Для чего хранить деньги, если в качестве средства сохранения стоимости более пригодны товары, которые при возникновении каких-то непредвиденных платежей или расчетов могут быть, без дополнительных издержек, превращены в деньги. Ведь транзакционные издержки остаются одними и теми же, независимо от того, что именно хозяйствующие субъекты предпочитают хранить. Единственное требование к хранимым товарам – низкие издержки содержания. Если не придавать значения данному фактору и исходить из того, что деньги как средство сохранения стоимости не имеют никаких преимуществ по сравнению с товарами, свойство ликвидности может быть перенесено на товары не только без всякого ущерба, но с достаточно обоснованной претензией более глубокого анализа товарно-рыночной организации общественного производства.

Нетрудно заметить, однако, что в этом пункте намечается угроза разрыва между теорией и историей. Если есть основания для переноса свойства ликвидности на товары, теория лишается возможности объяснить для чего нужны деньги как универсальное (обще принимаемое) средство платежа за товары. Тем самым теория лишается возможности объяснить, для чего нужны или отчего происходят финансовые кризисы, во время которых именно избыточный спрос на деньги (ликвидность), толкая норму процента вверх, а товарные цены вниз, обрушивается на рыночную экономику подобно стихийному бедствию. Поскольку финансовые кризисы случаются все же в истории, а не в природе, выяснение порождающих их причин позволило бы их предотвращать. Но, судя по всему, крайне сложно противодействовать трендам, нарушающим равновесие между спросом и предложением на денежном рынке, оставаясь в кругу представлений, согласно которым деньги приобретают свойство ликвидности постольку, поскольку облегчают (удешевляют) обмен товарами. При этом подразумевается, что сами по себе деньги никак не участвуют

в процессах ценообразования. Неслучайно в базовой модели общего рыночного равновесия Л. Вальраса цены назначаются аукционистом в произвольно выбранных единицах на том основании, что для обладателей товарных запасов важное значение имеет не денежная форма выражения цен, а исключительно их соотношение, показывающее, в каких пропорциях одни товары могут быть замещены другими. Подразумевается, что поскольку планируемый спрос на товары со стороны каждого товаровладельца ограничивается наличным их запасом (предложением), избыточный спрос на одних товарных рынках при любом наборе товарных цен уравнивается по стоимости избыточным предложением на других, что, как предполагается, гарантирует нахождение путем проб и ошибок набора равновесных цен [Вальрас, 2000].

Вместе с тем модель Вальраса вполне способна учесть тот факт, что в действительности товары оцениваются в денежных единицах, поскольку отчуждаются за деньги. Ведь, если спрос на деньги не исчерпывается спросом на товары (как это пытался доказать Дж.М. Кейнс), равновесные цены не могут быть определены без учета денежных запасов (накоплений).

В системе Кейнса теория денег, как это видно из вышеизложенного, тесно связана с теорией процента. Но чтобы придать этой связи большую определенность, следует признать, что нормальная (равновесная) величина процента есть та *цена, которая обеспечивает, во всяком случае должна обеспечивать неизменность стоимости денег*. Как мы видели, такое предположение вполне согласуется с теорией предпочтения ликвидности Дж.М. Кейнса, более того придает ей логическую строгость.

Ортодоксальная теория денег тесно связана с представлением, согласно которому товарное производство якобы способно развиваться без поступления новых денег на товарные рынки. Ведь в качестве средства обмена деньги никак не влияют на процессы ценообразования, а стало быть, на стоимостные результаты и затраты производства. Отсюда следует, что для выявления движущих сил товарного производства, условий его становления и развития никакие деньги не нужны. Достаточно указать на такие вещи, как разделение труда, различия в издержках производства (концепцию сравнительных преимуществ Д. Рикардо) и/или на различия в предпочтениях товаропроизводителей. На капиталистической стадии развития товарное производство характеризуется расширением инвестиционного сектора, ускорением процессов, связанных с внедрением новых технологий и т.п. Но все это, казалось бы, вполне вписывается в вышеизложенные представления о природе или характере движущих сил товарного производства.

Отчасти поэтому отказаться от подобных представлений совсем не просто. Важный шаг на этом пути состоит в том, чтобы показать, что принцип неизменности стоимости денег (поскольку он согласуется с теорией предпочтения ликвидности Дж.М. Кейнса) можно и должно рассматривать в качестве *универсальной характеристики или предпосылки анализа товарного производства*.

Нам могут указать, что принцип неизменности стоимости денег не согласуется с историей. Но, как известно, исторические факты выглядят несколько по-иному при более широком и/или глубоком теоретическом охвате привычного, установленного ранее, порядка вещей.

Принцип неизменности стоимости денег в контексте уравнения обмена

Хорошо известно, что впервые внимание к проблеме стоимости (ценности) денег и к теории стоимости (ценности) вообще было привлечено революцией цен в XVI–XVII вв., когда на западноевропейские рынки хлынул огромный поток сравнительно дешевого

золота и серебра из Нового света. Рост цен, означающий падение стоимости денег, положил начало формулировкам количественной теории денег и, как следствие, изоляции теории денег от теории стоимости (относительных цен). Дело в том, что рост товарных цен увязывался не только и не столько с низкой стоимостью (по издержкам или редкости – полезности) американского золота и серебра, сколько с представлением об избыточных запасах денег по сравнению со спросом на деньги как средством обращения. Количественная теория денег утверждает, что рано или поздно увеличение количества денег (M) ведет к пропорциональному росту товарных цен (P). Отсюда следует, что увеличение количества денег не увеличивает стоимости совокупного денежного запаса и таким образом не прибавляет ничего к общей величине накопленного обществом богатства, поскольку стоимость денежной единицы падает пропорционально увеличению количества денег. Сторонники количественной теории пытались и пытаются опереться на уравнение обмена ($MV = PQ$), которое если не по форме, то по сути хорошо было известно экономистам классической школы, поскольку основывается на равноценности израсходованных на покупки денег, с одной стороны (MV), и того, что на них куплено, – с другой (PQ). Вместе с тем фактическое соотношение между увеличением количества денег и повышением цен в эпоху революции цен разошлось с предсказаниями количественной теории. За два века цены выросли примерно в 2–3 раза, тогда как масса денег увеличилась в 15–17 раз². Такой итог (согласно уравнению обмена) объясняется, во-первых, тем, что товаропроизводители не только с готовностью отчуждали свои продукты в обмен на деньги, но и не упускали возможности расширить объемы производства и продаж (Q). Во-вторых, не вся выручка от продажи товаров расходовалась на покупку других товаров. Часть денег сберегалась и накапливалась. В мотивационном отношении обе эти причины были тесно взаимосвязаны. Стимулом к расширению производства были именно деньги, желание увеличить их запас. Это хорошо понимали меркантилисты, взгляды которых вряд ли могут быть полностью отброшены.

Считается, что меркантилисты преувеличивали значение притока денег в страну, поскольку они отождествляли деньги с богатством или капиталом. Но разве государство, как и индивид, не должно расходовать меньше, чем приобретает, если намерено увеличивать свое богатство? Вопрос в том, какую экономическую форму принимает или должен принимать этот излишек сверх потребляемого? Для своего времени (когда еще не открылись широкие инвестиционные возможности, связанные с промышленной революцией) учение меркантилистов, в рамках которого излишек отождествлялся с денежной формой богатства, выглядело естественным, а, учитывая некоторые обстоятельства, вполне разумным именно с экономической точки зрения.

Дело в том, что по мере затухания революции цен все больше фактов свидетельствовало о том, что ценность тогдашних металлических денег отличалась от ценности товаров большей устойчивостью. Поэтому среди мотивов, побуждающих расширять производство товаров, центральное место занимал мотив приобретения денег, которые воспринимались и использовались хозяйствующими субъектами как предпочтительная для накопления форма богатства, позволяющая сохранять и накапливать плоды хозяйственной деятельности без риска потери их ценности.

Этот весьма действенный мотив увеличения объемов товарного производства трудно согласовать с представлением, согласно которому нормальное (беспрепятственное) развитие товарного производства предполагает использование денег исключительно как средство обмена или (что, то же самое при многостороннем обмене), как средство обращения. Иначе, дескать, не вся произведенная товарная продукция найдет на рынке своего покупателя.

² Разные авторы по-разному оценивают приток денег и рост цен, но что приток денег многократно превысил повышение цен, отмечается всеми и не подлежит сомнению.

Между тем нетрудно показать, что далеко не все деньги, которые расходуются на одних товарных рынках, приобретаются на каких-то других товарных рынках, оставляя даже за скобками анализа тот факт, что во всяком обществе деньги отчасти приобретаются в обмен на долговые обязательства, т.е. в кредит. Как справедливо указывал К. Маркс, критикуя учение о деньгах Маклеода, кредитные отношения не объясняют нам в какой связи (почему и как) деньги становятся универсальным (общепринятым) средством платежа за товары. Следовательно, они должны быть выведены из товарно-денежных отношений, а не наоборот [Маркс, 1959. С. 125].

Концепция кредитной природы денег в последние десятилетия приобрела многочисленных сторонников, особенно среди экономистов институционального направления. Но, наверное, нужно согласиться, что никакие ссылки на историю и/или на устройство современной денежно-кредитной системы не меняют существа дела, отмеченного Марксом.

Вместе с тем во втором томе «Капитала» К. Маркс находит нужным специально указать, что далеко не все находящиеся в обращении деньги приобретаются на товарных рынках. Исследуя процесс обращения авансированного денежного капитала [Маркс, 1961, С. 534–542], он подчеркивает, что золотопромышленники (при золотом стандарте) продают добытое золото не на рынке, а на монетном дворе, получая плату за него не по рыночной, а по твердой (фиксированной) цене. Выходя на рынок, золотопромышленники только покупают товары, ничего не продавая. Следовательно, учитывая, что покупка товара означает для кого-то его продажу, владельцы обычных товаров покупают на рынке товаров на меньшую сумму денег, чем продают [Там же].

Нетрудно заметить, однако, что рассуждение Маркса распространяется на любое (как простое, так и капиталистическое) товарное производство. Сказать об этом тем более необходимо, что рассуждение Маркса фактически основывается на том предположении, что деньги пользуются спросом как средство накопления. Ведь если бы деньги не пользовались спросом как средство накопления, никто не пожелал бы покупать товаров на меньшую сумму денег, чем продавать. Вследствие этого даже относительно незначительное увеличение общего количества денег вызвало бы избыточный спрос на товарных рынках и, как следствие, повышение товарных цен или, что то же самое, падение меновой стоимости денежной единицы. Маркс, однако, исключил из своего анализа такой сценарий. Анализируя процесс обращения авансированного денежного капитала, он использовал принцип неизменности стоимости денег, что позволило ему разъяснить, каким образом капиталисты в качестве покупателей рабочей силы извлекают из товарно-денежного обращения большую стоимость, выраженную в деньгах, чем та, которую они расходуют (авансируют) на покупку производственных ресурсов [Маркс, 1961, С. 540].

Казалось бы, использование принципа неизменности стоимости денег лишь прием анализа, который позволил Марксу более отчетливо показать, как формируются стоимостные результаты и затраты капиталистического производства. Ведь если стоимость денег (золота), как полагал Маркс, подчиняется тому же закону стоимости, что и стоимость обычных товаров, для понимания источника капиталистической прибыли (превышения стоимостных результатов производства над затратами) более важен не второй, а первый том «Капитала». Однако это не совсем так. Между стоимостью денег (из чего бы они не изготавливались) и стоимостью обычных товаров существует связь, но она не столь проста и универсальна, как это полагал К. Маркс. Между тем принцип неизменности стоимости денег в качестве предпосылки анализа товарного производства имеет универсальное значение, поскольку он противостоит доктрине постоянного количества или, что то же самое, фиксированного предложения денег, которая в явном [Хайек, 2007; Ротбард, 2002] или не в явном виде разделяется большинством экономистов. К этому

принуждает господствующий в экономической науке взгляд на деньги. Раз деньги служат средством обращения, естественно предположить и настаивать на том, что экономика может развиваться при любом (фиксированном) количестве денег. Но именно поэтому принцип неизменности стоимости денег несовместим с доктриной фиксированного предложения денег. Ведь из этого принципа и уравнения обмена ($MV = PQ$) необходимо следует, что при постоянстве скорости обращения денег (V) объем производства товаров (Q) можно и должно рассматривать как функцию от количества денег (M). Поскольку уравнение обмена основывается на равноценности (MV) и (PQ), строгость данного вывода не подлежит сомнению.

Разумеется, объем производства товаров зависит от объема используемых производственных ресурсов и их производительности, которая определяется применяемыми технологиями производства и т.п. Но если на товарные рынки не поступают новые деньги, все эти производственные параметры останутся неизменными, ибо всякий стимул к развитию товарного (специализированного) производства будет подорван не распроданной товарной продукцией³.

Характерно, что английские экономисты, жившие в эпоху золотого стандарта, исследуя закономерности денежного обращения, исходили из того, что стоимость денег устойчива. Вместе с тем они нисколько не сомневались в том, что деньги служат лишь средством обращения. Поэтому им важно было показать, что как бы первоначально не распределялись деньги между участниками товарного производства и на что бы преимущественно не расходовались (на производственные ресурсы или потребительские блага), отношение общей стоимости товарной массы к стоимости наличного запаса денег останется стабильным. Но при узком понимании предложения денег как наличного запаса золотых монет данное отношение, представляющее собой, как нетрудно догадаться, скорость обращения (V) из уравнения обмена, сохраняется стабильным только тогда, когда государство и банки выпускают платежные средства (банкноты, казначейские билеты, чековые депозиты и т.п.) в строгой пропорции к запасу золотых монет. Хотя при золотом стандарте все платежные средства подлежали размену на золотые монеты по первому требованию и фиксированному курсу, такой строгой пропорциональности никогда и нигде (ни в какой стране) не соблюдалось. Неудивительно поэтому, что в конце концов экономисты посчитали правильным корректировать не скорость обращения, а массу денег, противостоящую PQ [Харрис, 1990].

Тем не менее идея о том, что развитие экономики сдерживается из-за нехватки денег, играла заметную роль во всех дискуссиях вокруг золота как стандарта стоимости⁴. С другой стороны, тот факт, что современные деньги утратили связь с золотом, казалось бы, подтверждает традиционный взгляд на деньги как на средство, облегчающее (удешевляющее) обмен товарами. Ведь, казалось бы, иначе невозможно объяснить в какой связи (почему и как) деньги приобретают свойство ликвидности или, по выражению экономистов-классиков, способность непосредственно обмениваться на любые товары. Версия К. Маркса, согласно которой деньги приобретают свойство ликвидности в качестве свойственной товарам меры стоимости, рассматривается сегодня в основном критически. И дело здесь не только в том, что, вопреки Марксу, деньги утратили внутреннюю

³ На данное обстоятельство указывал Ф. Хайек, критикуя К. Викселя за то, что он совершенно правильно использовал принцип неизменности стоимости денег для определения равновесной нормы процента. К сожалению, Виксель не придал должного значения тому обстоятельству, что для того, чтобы уровень товарных цен оставался неизменным, количество денег в обращении должно увеличиваться с увеличением объемов производства. Иначе говоря, равновесная ставка процента должна быть совместимой с увеличением предложения денег банковской системой. Если же общее количество денег фиксировано, равновесный уровень цен с увеличением объемов производства должен меняться в сторону понижения. Только при этом условии вся произведенная товарная продукция будет распродана. [Хайек, 2007. С. 31–33].

⁴ О характере дискуссий можно судить по статьям, опубликованным в [Золотой стандарт, 2011].

стоимость. Дело в том, что деньги как всеобщий эквивалент или свойственная товарам мера стоимости не поддаются осмыслению в терминах спроса и предложения, без увязки с какими-то другими функциями денег. Хотя все денежные функции тесно взаимосвязаны, немаловажное значение приобретает как раз поэтому, вопрос о том, как возникают деньги. Не случайно, многие экономисты и, в частности, Дж. Хикс в своей «Теории экономической истории» [Хикс, 2003] выделяют учение о деньгах родоначальника австрийской школы К. Менгера [Менгер, 2005]. Оно высоко ценится (не только сторонниками австрийской школы) за то, что Менгеру, казалось бы, удалось разъяснить, как деньги становятся общепринятым средством платежа за товары в результате спонтанного эволюционного процесса, в котором вместе с тем немаловажную роль играет осмысленный (рациональный) выбор хозяйствующих субъектов.

Учение Менгера действительно выделяется среди других учений о деньгах. Но нетрудно показать, что в действительности из учения Менгера можно вывести лишь одно: общепринятым средством платежа за товары становятся блага, наиболее пригодные к накоплению. И это имеет место во все исторические эпохи у всех народов.

Учение о деньгах К. Менгера

В основе учения К. Менгера лежит сходная с кейнсианской идея о том, что товары отличаются не только по своей непосредственной полезности, но и по своей способности к обмену (сбыту), т.е. степенью ликвидности. Если бы это было не так, несоответствие предпочтений товаровладельцев (владелец товара А желает обменять свой товар на товар В, в то время как владелец товара В предпочитает товар С, и т.д.) оказалось бы непреодолимым и создавало бы тяжелые, постоянно возникающие препятствия для разделения труда и производства благ для неизвестного покупателя. Но поскольку товары отличаются способностью к сбыту, перед каждым хозяйствующим субъектом встает альтернатива: либо отказаться от обмена, учитывая трудности бартера, либо постараться обменять свой товар на такой, который обладает большей способностью к сбыту, чем собственный. Во втором случае вероятность достижения хозяйствующим субъектом своей конечной цели – приобретение путем обмена необходимых ему потребительских благ – значительно увеличивается. Вместе с тем Менгер особо подчеркивал, что хотя обмен товаров, обладающих меньшей способностью к сбыту, на товары с большей способностью к сбыту отвечает экономическому интересу всякого хозяйствующего индивида, но фактическое проведение таких меновых операций предполагает понимание этого интереса со стороны хозяйствующих субъектов, которые никогда сразу не приходят в одно и то же время к такому пониманию. Напротив, сначала только отдельные, наиболее предусмотрительные и деятельные хозяйствующие субъекты начинают понимать преимущество обмена на товары с большей способностью к сбыту и практиковать такой обмен. Но чем больше людей следует их примеру, тем очевиднее и весомее выгода использования того или иного товара в качестве денег (средства обмена). «Таким образом, практика и привычка немало способствовали тому, что наиболее в данное время способные к сбыту товары стали приниматься в обмен за все другие товары не только многими, но и всеми хозяйствующими индивидами» [Менгер, 2005. С.4].

Но почему, собственно, товары различаются способностью к сбыту? Пытаясь ответить на этот вопрос и рассматривая в данной связи эволюцию товарных форм денег, К.Менгер выделяет свойства, благодаря которым товары ценятся людьми как средство накопления.

Возьмем такую известную, многовековую форму товарных денег, как домашний скот, которая отличалась, как отмечает Менгер, большой притягательной силой, но не только

потому, что домашний скот полезен во многих отношениях, доставляя молочные и мясные продукты питания, материал (шерсть и шкуры) для одежды, жилья и т.п. «Скот представляет собой товар с достаточной способностью сохраняться, издержки на его содержание всюду, где много лугов и где он содержится не в особых помещениях, чрезвычайно малы» [Там же. С. 7]. Кроме того, рыночная стоимость скота отличалась устойчивостью, так как в условиях, «когда каждый стремится обладать как можно большими стадами, вряд ли мыслимо переполнение им рынка» [Там же. С. 7].

Вместе с тем в связи с разделением занятий, образованием городов с населением, занимающимся по преимуществу ремеслом, стимулы к накоплению скота ослабевают, в частности, из-за растущих издержек, связанных с его содержанием. «Даже для сельского хозяина сохранение и забота о скоте не составляет сколько-нибудь значительной экономической жертвы только до тех пор, пока в его распоряжении сколько угодно лугов и не исчезло обыкновение держать животных на воле» [Там же. С. 9]. Вследствие этого происходит снижение интереса к скоту как объекту накопления в пользу других благ, которые по издержкам содержания становятся более привлекательными и вместе с тем достаточно широко используются людьми в производстве различных благ. Так на смену скоту пришли металлы, а, в конечном счете, золото и серебро, которые по издержкам содержания далеко превосходили и превосходят все известные блага [Там же. С. 9–10].

Вопреки намерению проследить происхождение денег как посредника при обмене, Менгер фактически учит тому, что обычно люди предпочитают накапливать такое благо, которое может иметь различное употребление, служить разным целям, т.е. обладает естественной ликвидностью⁵. Но принципиально важно, чтобы растущий запас хозяйственного блага не встречал противодействие со стороны растущих издержек хранения (содержания). При этом, если благо, в силу пригодности к накоплению по двум свойствам (L) и (с)⁶, выбрано в качестве предмета накопления многими людьми, сам процесс накопления будет способствовать стабильности (устойчивости) его рыночной стоимости. Отсюда, обобщая, нетрудно сделать главный вывод: чтобы деньги принимались в качестве платы за товары каждым хозяйствующим субъектом, им вовсе не обязательно быть посредником при обмене. Чтобы деньги принимались в качестве платы за товары каждым хозяйствующим субъектом, им достаточно обладать свойствами, которые ценятся (имеют значение) для *всех хозяйствующих субъектов*. Поскольку важнейшие из этих свойств (L и с), определяющих пригодность к накоплению, с самого начала ясны каждому хозяйствующему субъекту, появление и использование товарных форм денег как *общепринятого средства платежа* нигде и никогда не нуждалось ни в каком соглашении и/или государственном принуждении. Поскольку по происхождению своему деньги не являются продуктом какого-то соглашения, более точно определять деньги не как *общепринятое*, а как *принимаемое всеми средство платежа*⁷.

⁵ В этом отношении большинство сырьевых товаров имеет явное преимущество перед готовой продукцией.

⁶ Обозначение «ликвидности» как (L), а «издержек содержания» как (с) введено Дж.М.Кейнсом в 17 главе «Общей теории занятости, процента и денег». Поскольку эти обозначения широко используются в нашей работе, не лишним будет уточнить, что по Кейнсу, «ликвидность» и «издержки содержания» важны в некотором сочетании. Иначе говоря, значение имеют не (L) и (с) по отдельности, а (L–с). При этом не существует, очевидно, никакой абсолютной (количественной) нормы ликвидности, а только шкала ликвидности, которая учитывается при оценке сравнительных преимуществ владения различными формами богатства. Формула (L–с) просто показывает, что именно сочетание относительно высокой ликвидности и абсолютно низких издержек содержания характеризует хозяйственное благо с точки зрения пригодности к накоплению по сравнению с другими благами [Кейнс, 1993. С. 323].

⁷ Такое уточнение будет не лишним, учитывая, что учение Менгера противостоит «договорной» концепции, известной со времен Аристотеля.

Деньги, закон спроса и закон Вальраса

Сказанное о происхождении и назначении денег нисколько не противоречит тому, что по мере развития товарного (специализированного) производства все большая часть денежной выручки от продажи товара расходуется на приобретение других товаров. Но если бы деньги воспринимались и использовались хозяйствующими субъектами только как средство платежа за товары, решения относительно объемов покупок и продаж различных товаров оставались бы несогласованными, порождая, с одной стороны, избыточный спрос, а, с другой – избыточное предложение на различных товарных рынках. Возьмем в качестве примера ситуацию, описанную А. Смитом. Хотя А. Смит много сделал для развенчания денег как средства накопления (в связи с критикой меркантилистских учений), он хорошо понимал, что развитие товарного (специализированного) производства в известной степени смягчает противоречие, связанное с несопадением предпочтений товарладельцев. Ведь всякое расширение товарного (специализированного) производства означает расширение круга потенциальных торговых партнеров для каждого отдельного товарладельца. Поэтому рассуждение о трудностях или издержках безденежной бартерной торговли (владелец товара А желает обменять свой товар на товар Б, в то время как владелец товара Б предпочитает товар С и т.п.) никогда не использовалось Смитом. Обсуждая обстоятельства возникновения денег, А. Смит отмечал, что безденежную торговлю (обмен) ограничивают (затрудняют) не издержки, связанные с поиском торговых партнеров, а уже накопленные товарные запасы. Если, например, мясник уже запасен тем количеством хлеба и пива, которое ему нужно на ближайшее время, между ним, пивоваром и булочником не может состояться обмен [Смит, 2007. С. 83]. Нетрудно заметить, однако, что пивовару и булочнику намного легче было бы договориться с мясником, если допустить, что хлеб и пиво были бы столь же долговечны, не подвержены порче и занимали столь же мало места как деньги. Мясник наверняка пошел бы навстречу булочнику и пивовару в их желании приобрести дополнительное количество мяса, если бы прирост запасов хлеба и пива, как платы за мясо, был бы столь же необременителен с точки зрения издержек содержания, сколь необременителен прирост запаса денег. С другой стороны, если бы деньги воспринимались и использовались мясником (равно булочником и пивоваром) только как средство приобретения товаров, способ оплаты (замена товара деньгами) не мог бы ничего изменить в ситуации, когда отдельный товароведелец, ориентируясь исключительно на собственные предпочтения и издержки, не идет на встречу пожеланиям других товарладельцев в плане расширения продаж своего товара, будь то мясо, хлеб или пиво.

Казалось бы, затруднение исчезает, если принять во внимание зависимость спроса и предложения от соотношения цен товаров и, соответственно, возможность при необходимости пересматривать меновые пропорции, как это имеет место в неоклассической модели общего рыночного равновесия Л.Вальраса. Но у Вальраса процесс согласования решений, принимаемых хозяйствующими субъектами относительно продаж (покупок) своих (чужих) товаров, находится под бдительным контролем всевидящего аукциониста, который назначает цены и тут же, если они не уравнивают спрос и предложение на всех товарных рынках, аннулирует контракты на покупку и продажу товаров по этим ценам и назначает новые. [Вальрас, 2000]. Работа Вальраса сыграла важную роль в прояснении условий общего рыночного равновесия, поскольку очевидно, что на той стадии развития товарного производства, когда товары производятся посредством товаров и их объем и разнообразие многократно увеличиваются, каждый товароведелец, планируя свои продажи и покупки, стоит перед выбором, суть которого в том, чтобы отобрать из огромного множества торгуемых товаров оптимальную для себя корзину. При этом планы (намерения) всех товарладельцев должны быть учтены и согласо-

ваны таким образом, чтобы все товары были распроданы. Но было бы большим преувеличением сказать, что Вальрас или кто-либо другой из экономистов до конца разъяснил механизм оптимального отбора и рыночного согласования посредством корректировки цен. И дело тут не в том, что на подавляющем большинстве товарных рынков нет фигуры вальрасовского всевидящего аукциониста, аннулирующего контракты по неравновесным ценам и назначающего набор новых цен. Дело в том, что никакой новый набор цен не приближает к общему рыночному равновесию, если изменения в меновых пропорциях (при переходе к новым ценам) по-разному влияют на стоимостную величину товарного запаса (бюджетного ограничения), с которым хозяйствующие субъекты выходят на рынок.

Не случайно, моделируя условия общего рыночного равновесия, Вальрас вообще обошелся без денег, поскольку, как он считал, для оценки товаров в принципе подходит любой произвольно выбранный стандартный товар или даже условная счетная единица. И действительно, ведь только соотношения цен показывают, в каких пропорциях товаровладельцы могут замещать посредством обмена свои товары на чужие в целях оптимизации потребительской корзины. А раз так, нельзя не согласиться с тем, что при моделировании условий общего рыночного равновесия для оценки товаров вполне подходит любой произвольно выбранный стандартный товар или даже условная счетная единица. Тем не менее именно эти упрощения делают анализ Вальраса, а главное, выводы из него недостаточно строгими.

Из уравнений общего рыночного равновесия Вальраса, строго говоря, можно вывести лишь одно: при любом наборе цен избыточный спрос на одних товарных рынках уравновешивается по стоимости избыточным предложением на других⁸. Допуская, что цены назначаются, скажем, в рублях (но ни у кого из торгующих агентов нет запаса рублей, т.е. рубль – условная счетная единица), можно и должно ожидать (опираясь на уравнения Вальраса), что повышение цен на одних рынках будет непременно сопровождаться их снижением на других. Но отсюда вовсе не следует, что повышение цен на одних рынках и снижение на других побудит владельцев дефицитных товаров и владельцев избыточных товаров увеличивать спрос на избыточные товары, сокращая тем самым спрос на дефицитные. Ведь разнонаправленное изменение цен будет разнонаправлено воздействовать на покупательную способность (реальную величину богатств) экономических агентов. Одни станут богаче, другие – беднее. Ожидать в этих условиях согласованного поведения рыночных агентов по расчистке товарных рынков нет достаточных оснований. Эффект реального богатства, или, как его чаще называют, эффект дохода, будет эффективно противодействовать такому согласованному поведению [Хикс, 1993].

Только денежная форма богатства раскрывает нам механизм рыночных сил спроса и предложения, обеспечивающих согласованное поведение людей в ответ на изменение рыночных цен, независимо от набора полезных вещей и услуг, находящихся в их распоряжении. Проблема в том и состоит, что всякое изменение цен по-разному влияет на финансовое положение рыночных агентов (в зависимости от величины и состава бюджетного ограничения). Согласованность в поведении достигается в той мере, в какой изменение денежной цены воспринимается как изменение меновой стоимости товара, но не денег, меновая стоимость которых должна восприниматься как нечто данное и неиз-

⁸ Если, например, имеется в наличии 100 пудов хлеба и 100 кг мяса в руках разных владельцев, которые при цене равной, скажем, 2 кг мяса за один пуд хлеба, желают сохранить (приобрести) в совокупности меньше хлеба, чем 100 пудов, то планируемый совокупный спрос на мясо, напротив, превысит 100 кг. Причем, согласно уравнениям (закону) Вальраса, избыточный спрос на мясо в стоимостном измерении в точности совпадет с избыточным предложением хлеба. Так, если совокупный спрос на хлеб (при цене 2 кг мяса за пуд хлеба) составил, скажем, 80 пудов (т.е. избыточное предложение хлеба равно 20 пудам), избыточный спрос на мясо составит 40 кг, ибо при цене 2 кг мяса за пуд хлеба стоимость 20 пудов хлеба равна стоимости 40 кг мяса.

менное. Только в этом случае эффект дохода будет действовать в том же направлении, что и эффект замещения, ибо деньги будут восприниматься как «лучший товар» для накопления [Гогохия, 2006].

Модель бартерного обмена проливает свет на то обстоятельство, что повышение цены товара, вопреки закону спроса, способно увеличить совокупный спрос на товар, если владельцы данного товара сочтут выгодным оставлять для собственного употребления существенно большую часть запаса данного товара, чем та, которую они оставили бы до изменения цены. Ведь за счет повышения цены товаровладелец способен приобрести больше чужих товаров, в которых он нуждается, сохраняя для собственного потребления столько же или даже больше собственного товара. Сам Вальрас отмечает возможность подобной ситуации при том условии, что специализация производителей зашла не слишком далеко. Но положение вещей, ограничивающих специализацию производителей, характеризует всю человеческую историю вплоть до промышленной революции и даже позже, когда речь идет о расчетах (сопоставлении) выгоды и издержек, определяющих спрос и предложение крестьян или фермеров. Универсальность закона спроса, устанавливающего обратную зависимость между изменением цены товара и совокупным спросом на него, предполагает, что существуют худшие и лучшие товары с точки зрения их пригодности к накоплению, но товаровладельцы не учитывают данное обстоятельство в своих расчетах, поскольку все товары являются худшими по сравнению с деньгами. Тем самым становится понятным, почему купля и продажа товаров за деньги (предпочтительное средство накопления), способствуя развитию специализации производства тем не менее не сводима к многостороннему бартеру.

Вместе с тем никакие деньги не устраняют существенных различий между товарами по степени пригодности к накоплению. Поэтому, когда возникают сомнения в стабильности меновой стоимости денег, нарушается единство и взаимосвязь процессов ценообразования на товарных рынках, что совершенно исключается в рамках модели общего рыночного равновесия. Тем не менее единство и взаимосвязь процессов рыночного ценообразования нарушится из-за естественных различий в степени ликвидности и издержках содержания товаров, которые при наличии сомнений в стабильности меновой стоимости денег начнут конкурировать с деньгами и друг с другом как средство накопления (хранилище богатства). Иначе говоря, различия товаров по пригодности к накоплению приобретут значение фактора, стимулирующего спрос на одни товары в ущерб другим. На языке неоклассической теории сказанное означает, что произойдут дифференцированные (не одинаковые) сдвиги кривых спроса на всех товарных рынках.

Закон спроса, упорядочивая процессы рыночного ценообразования, играет ключевую роль в формировании стоимостей товаров как устойчивых цен, при которых достигается равенство спроса и предложения на взаимосвязанных законом Вальраса рынках. При этом совершенно безразлично, определяется стоимость через затраты труда или предельную полезность. Чтобы закон спроса действовал на всех рынках, включая высоколиквидные, т.е. с высоким ($L-c$), критически важно, чтобы находящиеся в обращении деньги воспринимались преимущественно как надежное средство сохранения стоимости и поэтому как предпочтительная для накопления форма богатства. Ведь привлекательность денег с точки зрения ликвидности и издержек содержания ($L-c$) заведомо выше привлекательности любого товара. Но как раз поэтому рост денежных цен, означающий падение меновой стоимости денег, создает условия для быстрого обогащения посредством накопления товаров, т.е. отсрочки их превращения в деньги. При этом именно те товары, которые отличаются высоким ($L-c$), становятся особенно привлекательными для накопления. Поэтому при падении меновой стоимости денег существенные преимущества в степени ликвидности и издержках содержания хозяйственных благ ($L-c$) учитываются хозяйствующими субъек-

тами при плановых расчетах об объемах покупок и продаж различных товаров, что ведет к деформации структуры рыночных цен.

Таким образом получается, что проблема стандарта стоимости, воспринимаемого как нечто данное и неизменное, это не просто проблема осмысления практически наилучшей (идеальной) меры стоимости (ценности). Вопрос о поддержании неизменного стандарта стоимости, это вопрос создания условий, при которых обеспечивается способность рыночной экономики формировать стоимости товаров в виде устойчивых равновесных цен и тем самым ее способность к саморегулированию и устойчивому долгосрочному развитию.

Даже при золотом стандарте, когда деньги имели внутреннюю стоимость, мало кто из экономистов признавал, что эта внутренняя стоимость сама по себе способна исполнять роль меры и регулятора стоимости товаров, ибо ее величина сама нуждается в выяснении. Проблема, однако, снимается, если есть основания рассматривать стоимость денег как нечто данное и неизменное. Поиску таких оснований препятствует ложное, глубоко укоренное представление о природе денег как ликвидного актива. Даже Кейнс несколько не сомневался в том, что свойство ликвидности присуще деньгам как средству обращения. Поэтому в системе Кейнса деньги, благодаря свойству ликвидности, весьма привлекательны для накопления, но желание людей накапливать плоды своей деятельности в денежной форме или предпочтение ликвидности сдерживает развитие любого, в том числе товарно-капиталистического производства и выступает ближайшей причиной экономических кризисов и депрессий.

Между тем желание людей накапливать плоды своей деятельности в денежной форме сдерживает развитие товарного производства только в том случае, если предложение денег не реагирует на спрос на деньги. Это условие никогда и нигде не соблюдалось в прошлом. Тем более это неверно для современной денежно-кредитной системы. Вопрос состоит в том, как в рамках существующей денежно-кредитной системы обеспечить, с одной стороны, дешевизну кредита, а с другой безусловную сохранность стоимости денежных накоплений? Но эта тема – выходит за ограниченные рамки настоящей статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Вальрас Л. (2000). Элементы чистой политической экономии или теория общественного богатства. М.: Изограф.
- Гогохия Д. (2006). Деньги, закон спроса и закон Вальраса // *Мировая экономика и международные отношения*. №1. С. 68–75.
- Золотой стандарт. Теория, история, политика* (2011). Сб. статей / Пер. Куряев А.В. Челябинск: Социум.
- Кейнс Дж. М. (1993). *Общая теория занятости, процента и денег*. М.: Экономика.
- Малахов С. (1992). *Основы экономической психологии* / Институт экономической политики. М.: Б.и.
- Маркс К. (1959). К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Маркс К. (1960). *Капитал*. Т.1 / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Маркс К. (1961). *Капитал*. Т. 2 / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. М.: Государственное издательство политической литературы.
- Менгер К. (2005). *Основания политической экономии* / Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего.
- Ротбард М. (2002). *Государство и деньги: Как государство завладело денежной системой общества*. М.: Социум.
- Смит А. (2007). *Исследование о природе причинах богатства народов*. М.: Эксмо.
- Харрис Л. (1990). *Денежная теория*. М.: Прогресс.
- Хайек Ф. (2007). *Цены и производство*. М.: Социум.
- Хикс Дж. (2003). *Теория экономической истории* // *Изд-во Журнал Вопросы экономики*.
- Хикс Дж. (1993). *Стоимость и капитал*. М.: Прогресс.

Гогохия Доримендон Шотаевич

gogohia.dorik@yandex.ru

Dorimendon Gogohia

doctor habilitatus in economics, Lead, Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia

gogohia.dorik@yandex.ru

MONEY AS A LIQUID ASSET: THEORY AND HISTORY

Abstract. The article deals with the origin of money, its role as a liquid asset in the formation and development of the market economy. On the basis of the critical analysis of the approaches known in the economic literature, in particular the doctrine of money of K. Menger and the theory of liquidity preference of J.M. Keynes, put forward a number of provisions on the need to ensure the stability of the value of money. It is shown that money as a means of preserving value is the preferred (generally accepted) form of wealth accumulation, eliminating the influence of differences in the degree of liquidity and the cost of maintaining economic benefits on the processes of market pricing. It is the demand for money as a liquid asset and a means of preserving value that provides an inverse relationship between the price of the goods and the total demand for it and, thus, achieving a dynamic balance in the commodity markets.

Keywords: *theory of money, prices, rate of interest, the law of demand, liquidity, maintenance costs, the equation of exchange.*

JEL Classification: F02, F34, F43.

REFERENCES

- Valras L. (2000). *Elementy chistoy politicheskoy ekonomii ili teoriya obshchestvennogo bogatstva*. M.: Izograf.
- Gogokhiya D.Sh. (2006). Den'gi, zakon sprosa i zakon Val'rasa [Money, the law of demand and the law of Valras.] // *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. №1. S. 68–75.
- Zolotoy standart. Teoriya, istoriya, politika [Gold standard. Theory, history, politics] (2011) *Sbornik statey* [Collection of articles] / Per. Kuryayev A.V. Chelyabinsk: Sotsium.
- Keynes J.M. (1993) *Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg* [The General theory of employment, interest and money]. M.: Ekonomika.
- Malakhov S. (1992). *Osnovy ekonomicheskoy psikhologii* [Fundamentals of Economic Psychology / Institute for Economic Policy] / Institut ekonomicheskoy politiki. M.: B.i.
- Marx C. (1959). *K kritike politicheskoy ekonomii* [Critique of political economy] / Marx C., Engel's F. Soch. T. 13. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Marx C. (1960). *Kapital. T.1* [Capital. Vol. 1] / Marx C., Engel's F. Soch. T. 23. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Marx C. (1961). *Kapital. T. 2* [Capital. Vol. 1] / Marx C., Engel's F. Soch. T. 24. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- Menger C. (2005). *Osnovaniya politicheskoy ekonomii* [Foundations of Political Economy]. / Menger C. *Izbrannyye raboty* [Selected Works]. M.: Territoriya budushchego.
- Rotbard M. (2002). *Gosudarstvo i den'gi: Kak gosudarstvo zavladelo denezhnoy sistemoy obshchestva* [State and money: How the state took possession of the monetary system of society]. M.: Sotsium.
- Smith A. (2007). *Issledovaniye o prirode prichinakh bogatstva narodov* [A study on the nature of the causes of the wealth of nations]. M.: Eksmo.
- Harris L. (1990). *Denezhnaya teoriya* [Monetary Theory]. M.: Progress.
- Hayek F. (2007). *Tseny i proizvodstvo* [Prices and Production]. M.: Sotsium.
- Hicks J. (2003). *Teoriya ekonomicheskoy istorii* [The Theory of Economic History]. M.: Izd-vo Zhurnal Voprosy ekonomiki.
- Hicks J. (1993). *Stoimost' i capital* [Cost and Capital]. M.: Progress.